

школъ, мы отвѣтили на большую часть возражений критика «Москвитянина» на статью Вѣлинскаго, особенно виноватаго въ его глазахъ за хорошее мнѣніе о натуральной школѣ. Это-то критикъ нашъ и называетъ «односторонностью и тѣснотой образа мыслей», составляющихъ второй пунктъ его обвинительнаго противъ «Современника» акта. Въ сущности эта односторонность и тѣснота образа мыслей есть самобытный, независимый отъ славянофильства взглядъ на литературу. Третье и послѣднее обвинение противъ насъ въ статьѣ «Москвитянина» состоитъ въ искаженіи нами образа мыслей гг. славянофиловъ. Можетъ быть, мы и дѣйствительно не совсѣмъ вѣрно излагали ихъ образъ мыслей и приписывали имъ иногда такіа мнѣнія, которыя имъ не принадлежать, и умалчивали о такихъ, которыя составляютъ основу ихъ ученія. Но кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, не мы, а сами гг. славянофилы. До сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не потрудился изложить основнаго начала славянофильскаго ученія, показать, чѣмъ оно разнится отъ извѣстныхъ воззрѣній. Въмѣсто этого у нихъ одни

Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдастъ никто.

Доселѣ ихъ образъ мыслей проглядываетъ только въ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ тѣмъ или другимъ литературнымъ произведеніямъ и лицамъ. Кромѣ того они безпрестанно противорѣчатъ самимъ себѣ; такъ что можно подумать, что у нихъ столько же мнѣній, сколько и лицъ. Можно указать на выходки, разбросанныя тамъ и сямъ, противъ европеизма, цивилизаціи, необходимости образованія и грамотности для простаго народа, противъ реформы Петра Великаго, современныхъ нравовъ, какіе-то темныя намеки, что русскому обществу надо воротиться назадъ и снова начать свое самобытное развитіе съ той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться съ народомъ, который, будто бы, сохранилъ въ чистотѣ древніе славянскіе нравы и насколько не измѣнился въ продолженіе вѣковъ. Все это, можетъ быть, и заслуживаетъ по крайней мѣрѣ быть выслушаннымъ; но для этого сперва должно быть высказаннымъ. Вѣлинскій въ статьѣ своей въ первой книжкѣ «Современника» сказалъ, что явленіе славянофильства есть фактъ, замѣчательный до извѣстной степени, какъ протестъ противъ безусловной подражательности и какъ свидѣтельство потребности русскаго общества въ самостоятельномъ развитіи. Въ подобномъ отзывѣ не могло быть ничего оскорбительнаго для славянофиловъ. Напротивъ, онъ давалъ имъ удобный случай объяснить-

ся съ своими противниками, изложивъ имъ свое ученіе и показавъ имъ, въ чемъ и гдѣ именно они понимаютъ его невѣрно. Но славянофилы поступили иначе. Какъ люди, не привыкшіе къ благосклоннымъ о себѣ отзывамъ со стороны не принадлежащихъ къ нимъ литературныхъ партій, они до того обрадовались отзыву Вѣлинскаго, что начали смотрѣть на всѣхъ своихъ противниковъ, какъ на разбитое въ прахъ войско, а на себя—какъ на великихъ побѣдителей. Вотъ что называется—не давши сраженія, торжествовать побѣду! Въмѣсто того чтобы объяснить свой образъ мыслей, они съ ожесточеніемъ начали нападать на чужія мнѣнія.

Скажите, легко ли послѣ этого судить вѣрно о такомъ образѣ мыслей?

Давно уже замѣчена за славянофилами замашка—основывать важность своего ученія на такихъ фактахъ, которые или вовсе не существуютъ, или доказываютъ совсѣмъ противное. Мы сейчасъ представимъ доказательство этого изъ статьи М... З... К..., гдѣ между прочимъ выдается за несомнѣнную истину, будто бы «на краснорѣчивый голосъ Мицкевича взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ Занда, обратились къ славянскому міру, который понялъ имъ какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ». Эта оригинальная выходка снабжена выноской, въ которой говорится объ извѣстномъ сочиненіи Жоржъ Занда — «Жишка» или «Зишка». Все это, по мнѣнію критика «Москвитянина», значить ни больше, ни меньше, какъ то, что Европа ужасно какъ занята такъ-называемымъ славянскимъ вопросомъ; а по нашему мнѣнію, все это ровно ничего не значить. Если Зандъ избрала предметъ своего сочиненія гусситскую войну, это могло произойти безъ всякаго отношенія къ важности или неважности славянскаго вопроса, а, напротивъ, именно оттого, что гусситская война—событіе чисто европейское, западное, католическое; славянскаго тутъ только національное происхожденіе дѣйствователей, да безплодный для нихъ исходъ героической, впрочемъ, борьбы. Когда дѣло реформы взяло на себя германское племя, реформа восторжествовала надъ католицизмомъ. Чтò касается до Мицкевича, его дѣйствительно краснорѣчивый, хотя и сумасбродный, голосъ точно обратилъ къ себѣ на нѣкоторое время вниманіе парижанъ, жадныхъ до новостей; но къ славянскому вопросу все-таки не возбудилъ никакого участія. Извѣстно, что французское правительство принуждено было запретить Мицкевичу публичныя чтенія, но не